

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

17

СРЕДА

ОКТАБРЯ 1934 г.

№ 240 (3269)

Цена 10 коп

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

ПИСЬМА А. П. ЧЕХОВА к О. Л. КНИПЕР

ПЕРЕПИСКА А. П. Чехова с О. Л. Книппер заключается в себе около тысячи писем, приблизительно поровну от каждого из корреспондентов. Тематика этой переписки весьма разнообразна, но одна из тем — театр — занимает в ней все-таки преобладающее место, что естественно объясняется тем, что в годы знакомства и затем сближения Чехова и О. Л. Книппер первый из них писал преимущественно для театра, а вторая была (как и ныне остается) артисткой.

В ближайшем времени первый том переписки (всего будет три тома) выходит из печати (еще под маркой кооперативного издательства «Мир», ныне вошедшего в ГИЗ) под редакцией автора этих строк. В первый том вошли письма с июня 1899 по сентябрь 1901 года, т. е. за тот период времени, когда Чехов общивался и затем писал свою пьесу «Три сестры», а Художественный театр ее репетировал и затем ставил на сцене.

Ничье мы даем несколько писем Чехова, лейтмотивом которых и является его работа над названной пьесой.

Работа эта была для Чехова чрезвычайно легкая в силу целого ряда обстоятельств, которые за недостатком места могут быть здесь обрисованы лишь схематически.

Прежде всего выскальчивость Чехова к самому себе достигла к

этому времени крайних пределов, переходя порою в минутьность. Не успев закончить ту или иную вещь, он уже готов был рассматривать ее как устаревшую, нуждающуюся в новой переработке и т. д.

Далее необходимо отметить два неблагоприятных обстоятельства чисто внешнего характера: быстрое и неуклонное угасание физических сил писателя и те помехи для спокойной, сосредоточенной работы, которые создавали ему бесконечные посещения знакомых или лиц, искавших знакомства с знаменитым писателем. Чехов не переставал на это жаловаться, но решительно отвергал всякие попытки к ограждению его покоя. Это шло вразрез с его исключительной деликатностью, а кроме того новые люди, с одной стороны, мешая ему работать, с другой стороны, были нужны ему в качестве объектов для наблюдений.

Наконец по поводу «Трех сестер» в частности необходимо сказать, что в самом тоне этой пьесы, в ее замысле заключалось нечто, осложнявшее работу писателя. Она создавалась в годы быстро нарастающей волны общественного настроения, перераставшего в революционное брожение. Этот подъем Чехов пристально наблюдал, ясно видел и открыто приветствовал и несомненно сам им заражался. Его «Три сестры» и представляют отклик писателя на происходившую в русской жизни глубокую перемену. Но отклик своеобразный: Чехов поставил перед читателем и зрителем, так сказать, отрицательную детерминацию происходившего в стране процесса. С несравненной силой и глубиной, с осязательной выразительностью он показал удушающий мрак русской жизни, и картина эта была такова, что в ужасе, в испуге, как от физической боли, все закричали: «Больше так жить невоз-

можно!». Либо новая жизнь, либо гибель — вот с чем уходил на театр зритель после представления «Трех сестер». И если безысходный, глубоко пессимистический, отчаянный возглас сестер «В Москву! В Москву!» просто перенес в язык с диаметрально-противоположным психологическим содержанием, как символ неукротимого порыва к чему-то высокому, бодрому и светлому, то это не случайный каприз стихийного словотворчества, а указание той социальной функции, которую «Три сестры» выполняли с самого своего появления, функции глубоко диалектической и необыкновенно поучительной.

В печатаемых ниже письмах нашли себе отражение некоторые моменты описанного процесса — отражение скупое, сдержанное, затанное, характерное для Чехова последнего периода его творчества.

А. ДЕРМАН

★

30 августа 1900 г. (Ялта).
Милая моя Оля, я жив и здоров. Чего и тебе, актрисе, желаю. Не пишу тебе, потому что, погоди, пишу пьесу. Хотя и скучновато выходит, но, кажется, ничего себе, умственно. Пишу медленно — это сверх ожидания. Если пьеса не вытанцует, как следует, то отложу ее до будущего года. Но все-таки, так или иначе, кончу ее теперь.

Ах, как мне мешают, если бы ты только знала!!! Не принимаю людей я не могу, это не в моих силах. В Москве холодно? Ой, ой, не хорошо это.

Ну, будь здорова. Ты обижаешься, что в некоторых письмах я не называю тебя по имени. Честное слово, это не умышленно. Целую тебя двадцать раз.

Был немножко нездоров, а теперь ничего, опять повеселел.

Твой Antoine

5 сентября 1900 г. (Ялта).

Милося моя, ангел мой, я не пишу тебе, но ты не сердись, приходи к слабостям человеческим. Все время я сижу над пьесой, беднее думал, чем писал, но все же мне казалось, что я занят делом и что мне теперь не до писем. Пьесу пишу, но не спешу и очень возможно, что так и в Москву поеду, не кончая; очень много действующих лиц, тесно, боюсь, что выйдет не ясно или бедно, и потому, помоему, лучше бы отложить ее до будущего сезона. Кстати сказать, я только «Иванова» ставил у Корша тотчас же по напечатании, остальные же пьесы долго еще лежали у меня, дожидаясь Влада Ивановича (Немировича-Данченко), и таким образом у меня было время вносить поправки всякие.

У меня гости: начальница гимназии с двумя девицами. Пишу с ребятами. Сегодня провозжал на пароход двух знакомых барышень я — выдел (...), отъезжающую в Москву. Со мной была холодна, как могильная плита в осенний день! И я тоже, по всей вероятности, был не особенно тепел.

Телеграмму конечно пришло, непременно выходи меня встретить, непременно! Приеду с курьерским утром. Приеду и в тот же день засяду за пьесу. А где мне остановиться? На Мал. Дмитровке нет ни стола, ни постели, придется остановиться в гостинице. В Москве я пробуду недолго.

Дождя в Ялте нет. Сохнут деревья, трава давно высохла; ветер дует ежедневно. Холодно.

Пиши мне почаще, твои письма радуют меня всякий раз и поднимают мое настроение, которое почти каждый день бывает сухим и черствым, как крымская земля. Не сер-

дись на меня, моя миленькая. Гости уходят, иду провожать их.

Твой Antoine

8 сентября 1900 г. (Ялта).

Ты пишешь: «Ах, для меня все так смутно, смутно... Это хорошо, что смутно, милая моя актрисочка, очень хорошо! Это значит, что ты философка, умственная женщина».

Какжется потеплело? Как бы не было, 20 сентября я выеду в Москву и пробуду там до 1 октября. Все дни буду сидеть в гостинице и писать пьесу. Писать или переписывать начисто? Не знаю, бабуся милая. Что-то у меня захромала одна из героинь, ничего с ней не поделаю и злось.

Получил сейчас письмо от Маркса: пишет, что пьесы мои выйдут в свет через 10 дней.

Я боюсь, как бы ты не разочаровалась во мне. У меня страшно лезут волосы, так лезут, что гляди, чего доброго, через неделю буду лысым дедом. Повидимому, это от парикмахерской. Как только постригся, так и стал лысый.

Пишет Горький пьесу или не пишет? Откуда это известно в Новостях дня, будто название «Три сестры» не годится? Что за чуп! Может быть, и не годится, только я и не думал менять.

Страшно скучно. Понимаешь? Страшно. Питаюсь одним супом. По вечерам холодно, сижу дома. Барышень красивых нет. Денет становится все меньше и меньше, борода седеет...

Дуся моя, целую тебе ручку — и правую и левую. Будь здорова и не хандрь, не думай, что все для тебя смутно.

До свиданья, Оля моя хорошая, крокодил души моей!

Твой Antoine